

УДК 355.01

Этика войны И.А. Ильина как основа современной контригровой стратегии противодействия глобальным оппонентам России

Ишимская Елена Вячеславовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина,
394064, Российская Федерация, Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54-а;
e-mail: ishimsky_e@mail.ru

Кирюшин Алексей Николаевич

Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры тактики авиации,
Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина,
394064, Российская Федерация, Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54-а;
e-mail: elrisha_@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается этическая концепция войны русского философа И.А. Ильина в свете необходимости поиска современной контригровой стратегии противодействия глобальным оппонентам России. Авторы раскрывают истоки игровых наступательных практик, подчеркивая их деструктивный характер. Проведенный анализ идей мыслителя позволяет представить его этику войны как философское обоснование оборонительной стратегии, противостоящей негативным проявлениям игры в военной политике, таким как обман, лицемерие, манипулирование и др. В статье раскрывается основное нравственное противоречие войны, исследуется аксиома недопущения убийства, анализируются понятия «общая война», «виновный подвиг», «общая вина», помогающие глубже понять смысл оборонительной стратегии противоборства, этически двойственной, несправедливой и потому трагической, но в то же время благородной, оправданной. Основные положения этики войны И.А. Ильина весьма актуальны и могут быть использованы в процессе патриотического, духовно-нравственного воспитания граждан, понимающих ценность истины, справедливости и свободы.

Для цитирования в научных исследованиях

Ишимская Е.В., Кирюшин А.Н. Этика войны И.А. Ильина как основа современной контригровой стратегии противодействия глобальным оппонентам России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 3А. С. 29-36.

Ключевые слова

И.А. Ильин, этика, война, нравственность, убийство, игра, контригровая стратегия.

Введение

На сегодняшний день можно констатировать, что игра как политический, экономический, военный и т. п. способ преобразования социальной действительности превратилась в основное средство западного противодействия в отношении России. Как справедливо отмечает политолог С.Е. Кургинян, Запад после неудачных попыток уничтожить Советский Союз в вооруженном противоборстве, победить его в «обычной классической войне» перешел к игровой стратегии, проявляющейся в диффузной борьбе, которая позволяет одержать названную З. Бжезинским «победу без войны» [Кургинян, www]. Иными словами, западные оппоненты превратили в поле противоборства основные сферы жизни российского общества, тем самым расширяя объект, формы и смыслы современной войны.

Игровые наступательные практики: истоки, поиски стратегии противодействия

Следует понимать, что игра как составляющая западной этической модели войны имеет сугубо деструктивное содержание прежде всего потому, что претендует на искажение объективного видения реальных процессов, происходящих в мире [Кирюшин, 2012; Кирюшин, 2016, 32]. Особенно ярко это обстоятельство проявляется в так называемой информационной войне, когда игра выступает в качестве политического принципа Запада в явном или скрытом преобразовании социальной реальности согласно собственным целям.

Представление этической деструктивности игры обнаруживается уже в Священном Писании. Здесь такие игровые черты, как притворство, лицедейство, лукавство, обман, предательство, имманентно присущи Дьяволу как искусителю, обманщику и обольстителю. Однако через игру и Бог может творить свой суд, противодействовать злу. К примеру, Бог играл через Левиафана как носителя всеограшающей мощи, способной обратиться как против зла, так и добра: «Это – море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими; там плавают корабли, там этот Левиафан, которого Ты сотворил играть в нем» (Пс. 103:25-103:26). Игра в противостоянии со злом воспринимается как обоюдоострое оружие, к борьбе против которого также необходимо быть готовым: «Ты сокрушил голову Левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» (Пс. 73:14). В связи с этим в христианстве раскрываются субъекты игры (триада «Бог – Дьявол (Сатана, бесы) – человек») и игровые связи между ними: Бог может играть с Сатаной и его приспешниками, но не играет с человеком, и последнему предписывается не играть с Богом, его заповедями, другими верующими и т. п. В то же время Дьявол, бесы через игру манипулируют, обольщают, соблазняют человека, который противостоять последним может также через игру, добиваясь победы божественных сил в их борьбе со злом.

Вопрос о допустимых способах противоборства со всей очевидностью стоит сегодня перед руководством нашей страны, силовыми структурами, патриотично настроенной интеллектуальной элитой, СМИ и всеми гражданами. Он конкретизируется в дилемме: уподобляться ли западным оппонентам в вопросах разработки и использования аналогичных игровых наступательных практик или следовать собственной мировоззренческой традиции оборонительного, контр наступательного, ответно-встречного характера?

Полагаем, решение этой дилеммы должно быть предопределено пониманием миротворческой роли России в мировом сообществе, определяющей государственную

стратегию сохранения мира, единения и консенсуса в международных отношениях, верховенства права, формирования справедливого и устойчивого мироустройства. Убеждены, что действительно эффективный ответ на игровую западную модель противодействия, морально деструктивную по своей сути, следует обосновывать, опираясь на духовные традиции, культурное, историческое, интеллектуальное достояние нашей страны.

В связи с этим нам представляется важным обращение к идеям выдающегося национального философа И.А. Ильина (1883-1954 гг.), который попытался выстроить целостную этическую концепцию войны и армии [Ильин, 1999; Ильин, 2014], удивительно актуально звучащую в современных социально-политических условиях, в том числе в контексте более чем нестабильных отношений России с западным сообществом, практикующим негативные игровые способы борьбы.

В большей степени нас интересует работа «Основное нравственное противоречие войны» (1915 г.), которая послужила началом фундаментальной разработки темы войны и зла в творчестве И.А. Ильина. Уже здесь формулируется основная идея его концепции о сопротивлении злу силой [Ишимская, 2017, 138-140].

Нравственная западня войны

Рассуждая об этике войны, Ильин не склонен к морализированию проблемы. Он очеловечивает войну, отыскивая и запечатлевая ее духовные глубины в экзистенциально-личностном измерении бытия. Во-первых, война угнетает психологически в связи с беспомощностью человека перед ней как свершившимся фактом. Во-вторых, подавление исходит из конкретных практических задач военного времени, заслоняющих жизненные перспективы. Действие третьего слагаемого фактора оказывается, по Ильину, наиболее существенным. Он заключается в нравственных противоречиях качества и содержания мыслей, поведения и поступков любого человека на войне и во время нее. Именно эта имманентная парадоксальность и оказывается в центре внимания философа.

Основным экзистенциальным последствием войны Ильин признает сомнение в совести как источнике нравственной очевидности. Антиномичность совести *inter arma* (лат. – перед войной) не позволяет видеть в ней универсальный принцип добра [Ильин, 2014, 387]. Какой бы ответ человек ни выбрал, он будет испытывать чувство нравственного неодобрения, от которого сознательно или непроизвольно попытается избавиться. Спасительными средствами здесь станут, с одной стороны, стремление не к нравственной правоте собственного решения, но «к его наименьшей жизненной и житейской обременительности», а с другой – «правосознание, темперамент, давление общественного мнения и, главное, личный уклад бессознательной душевной сферы...» [Там же, 389-390]. По мысли Ильина, в ситуации войны человек идет на своего рода психологическую уловку, искажая, утрируя воспринимаемую исходно противоречивую информацию, доводя ее до минимального уровня тревожности, при котором можно ощущать относительный душевный комфорт. Этот путь снятия бремени войны инстинктивно верный, но духовно неоправданный. Его кажущаяся легкость оборачивается для человека еще более глубокими противоречиями, чем Ильин объясняет случаи послевоенной нравственной усталости, оупения [Там же, 390].

Попытка с помощью отрицания истинной цели организованного массового убийства подавить в душе возникающий вопрос о дозволенности убийства по совести также, по мнению мыслителя, не имеет серьезных оснований. Речь идет о том, что, несмотря на так называемое

правило военного гуманизма – «не делать врагу больше зла, чем сколько того требуют цели войны», победа с точки зрения стратегии есть «поражение живой силы противника» и самым действенным способом ее достижения является не ранение, не пленение, не рассеивание, а убиение [Там же, 390-391]. Как убивать – огнестрельным оружием «невидимого противника», холодным оружием в близком бою – сути не меняет. Акты жалости, промедления в сражении автоматически превращают воина в предателя родины. Можно ли выбраться из этой нравственной западни?

Аксиома недопущения убийства

Обоснование собственной позиции Ильин начинает с утверждения об аксиоматическом характере недопустимости убийства человека человеком. Ужас этого действия связан с тремя главными мотивами.

1. Убийство есть преувеличение человеческих полномочий. Вторжение в сокровенную сферу жизни и смерти не дано человеку, поскольку она происходит, как пишет Ильин, сама от себя и через себя. Религиозное благоговение перед даром жизни есть естественное свойство человека. Идя наперекор ему, человек посягает на божественное совершенство и входит в область вседозволенности. Здесь философ разделяет точку зрения Ф.М. Достоевского о предметной связи между правом на убийство и моральной вседозволенностью [Там же, 394-399].
2. Убийство есть отрицание любви как творческого способа жизни, снимающего пределы разъединяющего эмпирического бытия людей через взаимное вчувствование, приятие, духовное тождество, раскрывающее метафизическую глубину человеческого существования. Философ признает объективность любви, состоящую в реальной, непрерывной социально-духовной ткани жизни, устанавливающей сопринадлежность, единство человеческого рода. Насилие, порождающее убийство, разлагает любовность общей связи и неизбежно приводит убивающего к кризису *testimonium paupertatis* (лат. – свидетельство бедности, слабости, несостоятельности), который наличествует и в состоянии необходимой обороны. Вместе с тем глубокая трагичность положения совершившего убийство, отрывающегося от любви как универсальной связи людей, сопряжена с невозможностью творческого личного исхода, что неумолимо приводит к духовному саморазрушению: «Я себя убил, а не старушонку!» [Там же, 411].
3. Акт убийства, безусловно, непоправим. Именно непоправимостью в первую очередь страшна смерть. Безвозвратная суть убийства выражается в полном духовном бессилии перед телесно-вещественным разрушением. Утрата жизненной перспективы убитого есть не только индивидуальная, но социальная потеря, которая делает каждого человека во время войны соучастником и совиновником в «организованном и планомерном убивании», чему нет нравственных оснований [Там же, 413-415].

Общая вина и виновный подвиг в основе оборонительной стратегии войны

Переживание указанных мотивов, по мысли Ильина, может внешне смягчаться самой формой войны. Это связано с диспозицией «совесть – правосознание», заключающейся в противоречии между идущим от совести запретом на убийство и добровольным повиновением

приказу, исходящему от государства. Если вопрос о начале войны не зависит от индивидуального выбора человека, то решение об участии в массовом убийстве он принимает самостоятельно. Философ подчеркивает, что «та война, в которой большинство индивидуально решающих душ не имеет глубоких и духовно значительных побуждений, могущих вызвать в душе решимость не избегать убийства и не останавливаться перед ним, – есть война, заранее обреченная на неудачу» [Там же, 417].

Видимое облегчение личного бремени убийства дается социальной по своей природе солидарной враждебностью, коллективно формируемой и поддерживаемой ненавистью против врага. Вина за убийство не оправдывается даже личной опасностью, которой подвергаются ее участники. Несмотря на колоссальную разницу между убийством в сражении, нередко сопровождающимся высшей самоотверженностью, и коварным, лично-корыстным нападением, подобное благородство не снимает категорический запрет на акт убийства. Ильин вновь повторяет мысль об аксиоматическом характере недопустимости убийства человека человеком при любых жизненных обстоятельствах и указывает, что «война как организованное убийство остается нашей *общей* войной, которая справедливо тяготит даже тех, кто сам не участвует в сражениях: ибо мы слишком хорошо понимаем, что мы не убиваем сейчас только потому, что за нас убивают другие» [Там же, 422].

Применительно к феномену войны мыслитель пытается вскрыть ошибочность принципа «цель оправдывает средство» [Там же, 423]. Он констатирует независимость нравственной доброкачественности деяния от его практической целесообразности. Побуждения совести задают некую идеальную модель поступков, а их несовпадение вызывает нравственное порицание действий. «Не всякий “лучший” по целесообразности исход, – пишет Ильин, – есть “лучший” в смысле нравственной доброкачественности» [Там же, 426]. И далее он продолжает: «...мучения и убийства, которые люди чинят друг другу в сражении, не станут ни благими, ни праведными, ни святым делом, каким бы целям они ни служили» [Там же, 428]. Что остается делать человеку, эмпирическая беспомощность которого нередко обнаруживает недоступность праведного пути, необходимость убийства со стороны правовой обязанности?

«Не убивать» – ответ, лежащий на поверхности, не имеющий на первый взгляд моральных изъянов. Однако, по мнению Ильина, толстовский принцип непротivления нападающему [Исупов, 2000; Толстой, 1957], устанавливая «*максимальную щедрость в отдаче* того, чем другой желает завладеть», обнаруживает тем самым свой естественный предел [Ильин, 2014, 430]. Щедрость может касаться лишь личных временных, конечных благ, но она исчерпывается себя и превращается в предательство в отношении общечеловеческого духовного достояния – того, ради чего стоит жить, идти на мучения и смерть. Понимание щедрости как безлимитного качества – главная опасность непротivления. «Нельзя предоставить сильному угнетать слабого; нельзя быть щедрым в отдаче чужого блага или чужой жизни; нельзя дать поработить себя; нельзя дать истребить свой народ и свое искусство; нельзя отречься от своих убеждений и верований» [Там же, 432]. Такое «нельзя» означает у Ильина открытое и сознательное бремя вины за готовность убивать ради нравственно праведной цели. Последняя ничуть не облагораживает решимость совершить убийство. Оно всегда будет несправедливым, духовно-мучительным средством [Там же, 434]. Поэтому основным нравственным противоречием войны для человека являются переживание и принятие себя как защитника и убийцы, осуществление бескорыстного оборонительного акта и признание вины за участие в организованном убийстве. «Вот почему мы испытываем войну как злосчастную тьму, в которой загораются слепящие лучи света. И для того, чтобы конец войны был как свет, возгоревшийся над тьмою, но не как тьма,

поглотившая свет, необходим *во время войны* тот истинный, духовный, творческий подъем, в котором человек не закрывает себе глаза на виновность своего решения и своего дела, но видит все как есть и мужественно приемлет *виновный подвиг*» [Там же, 436].

Заключение

Этика войны И.А. Ильина не ограничивается классическим пониманием последней. Она как духовное явление касается всех сфер жизни общества и государства, жизни каждого человека и потому всегда предстает общей войной. Подобным свойством в полной мере наделены современная диффузная война, игровые и контригровые практики в военной политике. И нашу главную дилемму о способе противоборства следует решать в пользу обращения к национальным корням, многовековым российским традициям оборонительного, ответно-встречного характера. Положения этики войны И.А. Ильина, обосновывающие истинный патриотизм, оборонительный смысл войны, гармонично встраиваются в современную национально-государственную идею защиты Отечества и противопоставляют фальши, мистификациям, манипулированию, лицемерию и одурачиванию как проявлениям игровых наступательных практик необходимость бороться, оставаясь на духовной высоте, осознавать чувство национального достоинства, уважать противника, понимать и принимать ответственность за народ побежденной стороны. Именно таким нам видится гуманистический, открытый, направленный на сотрудничество способ противодействия деструктивным играм глобальных оппонентов.

Библиография

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Новая Жизнь, 1991. 1350 с.
2. Ильин И.А. Духовный смысл войны // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9-10. С. 7-38.
3. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М.: Дарь, 2014. 480 с.
4. Исупов К.Г. Вокруг непротivления // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 149-343.
5. Ишимская Е.В. Национальные и военно-патриотические аспекты философии И.А. Ильина // Военный академический журнал. 2017. № 4. С. 134-141.
6. Кирюшин А.Н. Сущность игры и играизированных процессов в современных социальных практиках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 29-37.
7. Кирюшин А.Н. Феномен игры в коммуникативном контексте // Власть. 2012. № 6. С. 90-93.
8. Кургинян С.Е. Суть времени – 24. URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=192>
9. Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Полное собрание сочинений. М.: Российская государственная библиотека, 1957. Т. 23. С. 304-468.

The war ethics of I.A. Ilyin as a basis for the modern counter-playing strategy towards counteraction to Russia's global opponents

Elena V. Ishimskaya

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of humanities and socioeconomic disciplines,
N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin Air Force Academy,
394064, 54-a, Starykh Bolshevikov st., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: ishimsky_e@mail.ru

Aleksei N. Kiryushin

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer at the Department of aviation tactics,
N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin Air Force Academy,
394064, 54-a, Starykh Bolshevikov st., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: elrisha_@rambler.ru

Abstract

The article aims to consider the ethical conception of war developed by the Russian philosopher I.A. Ilyin in the light of the need for finding a modern counter-playing fighting strategy aimed at counteraction to Russia's global opponents. The authors of the article make an attempt to reveal the sources of aggressive game practices, paying attention to their destructive nature. The article carries out an analysis of I.A. Ilyin's ideas, which allows the authors to view his war ethics as philosophical justification of defensive strategy that resists negative game manifestations in military politics, such as deception, hypocrisy, manipulation, etc. The article discusses the principal moral contradiction of war, deals with the axiom of preventing murders, as well as performs an analysis of the concepts "common war", "guilty feat", "common guilt" that help to understand more deeply the essence of the defensive strategy aimed at counteraction to opponents. The ethical duality of this strategy consists in its unrighteous, tragic and honourable, justified nature at the same time. The basics of the war ethics developed by I.A. Ilyin are very important in our days. They can be used in the process of patriotic and moral education of citizens who know the value of the truth, justice and freedom.

For citation

Ishimskaya E.V., Kiryushin A.N. (2019) Etika voyny I.A. Il'ina kak osnova sovremennoi kontrigrovoi strategii protivodeistviya global'nym opponentam Rossii [The war ethics of I.A. Ilyin as a basis for the modern counter-playing strategy towards counteraction to Russia's global opponents]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 29-36.

Keywords

I.A. Ilyin, ethics, war, morality, murder, game, counter-playing strategy.

References

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. The Holy Scriptures of the Old and New Testaments] (1991). Novaya Zhizn' Publ.
2. Il'in I.A. (1999) Dukhovnyi smysl voyny [The spiritual meaning of war]. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.], Vol. 9-10. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 7-38.
3. Il'in I.A. (2014) *O soprotivlenii zlu siloi* [On resistance to evil by force]. Moscow: Dar" Publ.
4. Ishimskaya E.V. (2017) Natsional'nye i voenno-patrioticheskie aspekty filosofii I.A. Il'ina [National and military-patriotic aspects of I.A. Ilyin's philosophy]. *Voennyi akademicheskii zhurnal* [Military academic journal], 4, pp. 134-141.
5. Isupov K.G. (2000) Vokrug neprotivleniya [Around non-resistance]. In: *L.N. Tolstoi: pro et contra* [L.N. Tolstoy: pro et contra]. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities, pp. 149-343.
6. Kiryushin A.N. (2012) Fenomen igry v kommunikativnom kontekste [The phenomenon of game in the communicative context]. *Vlast'* [Power], 6, pp. 90-93.
7. Kiryushin A.N. (2016) Sushchnost' igry i igraizirovannykh protsessov v sovremennykh sotsial'nykh praktikakh [The essence of game and gamification in modern social practices]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo*

universiteta. Seriya: Filosofskie nauki [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical sciences], 4, pp. 29-37.

8. Kurginyan S.E. *Sut' vremeni – 24* [The essence of our days – 24]. Available at: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=192> [Accessed 30/05/19].
9. Tolstoy L.N. (1957) *V chem moya vera?* [What is my faith?] In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], Vol. 23. Moscow: Russian State Library, pp. 304-468.